

Прения по докладу Л. М. Гатовского

С. Д. СЛУЦКИНА. В докладе тов. Гатовского много правильного и ценного. Правильно то, что в нашем хозяйстве нет и не было системы двух регуляторов. Правильно и то, что нельзя говорить о процессе трансформации закона стоимости в так называемый «универсальный закон трудовых затрат». Правильно также и то, что мы не можем говорить о трансформационном процессе вообще без выявления классовой природы последнего. Тов. Гатовский говорит следующее: «Затушевывание классовой природы плана и стихии приводит к рассмотрению переходного периода, как трансформационного периода «вообще», к переоценке организационно-формальных моментов, к иллюзии о возможности чисто «организационного» охвата стихии, а не подавления ее путем выкорчевывания ее классовых корней».

Этот момент, как правильно замечает т. Гатовский, является одним из центральных в замечаниях Ленина на полях «Экономики переходного периода». Но именно этот момент не совсем понят тов. Гатовским.

Желая конкретизировать правильную мысль Ленина о том, что нельзя затушевывать классовую природу плана и стихии, Гатовский исходит из трансформационного процесса «классового плана» в план и тем самым отбрасывает трансформационный процесс капитализма в социализм.

Как надо анализировать трансформационный процесс капитализма в социализм?

Его надо брать в его качественных изменениях, в смене форм его движения, в его стадиях, звеньях. При анализе этого процесса надо исходить из двух моментов: из момента исторической перспективы и из момента связи с прошлым.

Нэп не есть однородный процесс. Каждый период нэпа внутри себя противоречив и сам развивается путем снятия внутренних противоречий. Исходя из этих принципов, мы считаем, что характерной особенностью нашего советского хозяйства является единство системы и в то же время противоположность различных секторов — в основном: социалистического, просто товарного и капиталистического. Мы имеем в этом единстве борьбу противоположностей, борьбу за перевод просто товарного хозяйства на путь социалистического развития. Наша плановая политика качественно отлична на разных этапах нэпа. Процесс происходит все время посредством переломных моментов, узлов и звеньев. Задача теоретика дать качественно отличную характеристику каждого этапа и каждого переломного момента.

Этого не сделал т. Гатовский. «Скачок от товарнокапиталистической системы к нашей, — говорит т. Гатовский, — произошел не при переходе от восстановительного периода к реконструктивному, а в октябре 1917 г.»

Верно конечно, что в октябре произошел решающий скачок от товарнокапиталистической системы к нашей. Но можно ли считать, что на фоне революции после октября 1917 г. мы имеем однородный процесс. Верно ли, что при переходе от восстановительного периода к реконструктивному мы не имеем скачка? Конечно неверно. Такое понимание «скачка» неправильно, так как весь трансформационный процесс от капитализма в социализм происходит путем диалектически развивающихся противоречий, путем «снятия» этих противоречий, путем качественных изменений. В природе диктатуры пролетариата не заложены с необходимостью предпосылки «третьей» революции. И при правильной классовой политике пролетариата самая ожесточенная классовая борьба при выкорчевывании корней капитализма на фоне революции не есть новая революция, а есть новый этап в революции, дающий новые качественные узлы, новую качественную характеристику. Для т. Гатовского существует в октябре единовременный скачок от товарно-денежной системы, а дальше происходит «трансформация нашего планового регулятора, начиная с 1921 г.» (Гатовский). Значит у нас с самого начала нэпа существует плановый регулятор, «классовый план», который трансформируется в план социалистического общества. Я считаю, что лучше всего критиковать этот взгляд под углом зрения 1924 г. Вы все вероятно помните, что Троцкий в 1923 г. тоже говорил о плане. Он считал, что при правильной политике партии возможно было бы стопроцентное планирование в то время. Он говорил: «если в кадке клепки разной длины, то воду можно наливать до уровня самой короткой клепки; дальше — сколько не лей, вода будет выливаться». Нужен жесткий план и вода не будет выливаться.

Мы приводим это положение Троцкого не для того, чтобы вскрыть его противоречивость в общей экономической концепции троцкизма, и не для того, чтобы показать его бессодержательность по существу. Это в свое время было исчерпывающим образом сделано партией.

Мы приводим это положение Троцкого для того, чтобы показать, как партия в ответ на этот тезис в тот период оценивала возможности планового руководства у нас. Партия критиковала «план» Троцкого, как бюрократический план. И XIII партконференция в январе 1924 г. сказала по этому вопросу следующее: «В корне неправильно было бы полагать, что при преобладании мелкого крестьянского хозяйства, при возрастающем значении в нашем хозяйстве мирового рынка и его цен государственное плановое руководство могло бы исключить возможность кризисов в обстановке нэпа. В гораздо большей мере, чем до сих пор, партия должна научиться согласовывать элементы государственного хозяйства в их взаимодействии как между собой, так и с рынком».

Эта задача облегчается тем, что ныне мы достигли значительных успехов в создании основных предпосылок планового руководства, без которых планирование легко могло бы превратиться в бюрократическую утопию. Эти предпосылки успешного планирования заключаются: 1) в создании твердой валюты, 2) в организации кредита, 3) в накоплении материальных фондов, допускающих маневрирование, или 4) в осуществлении и укреплении определенных форм организации хозяйства (тресты и т. д.), 5) в наличии ряда отдельных построенных на основе опыта планов, в первую очередь реальных бюджетных планов, и т. д.

Ближайшей обязанностью Госплана должно быть систематическое изучение текущей рыночной конъюнктуры и выработка основных мероприятий в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения».

В этой резолюции, как видите, говорится о том, что только созданы «основные предпосылки планового руководства и что нужно выработать основные мероприятия в целях воздействия на складывающиеся рыночные отношения». Эта резолюция правильна для своего времени. С тех пор мы имели последующие этапы и другого содержания резолюции. Но эта резолюция явно говорит, что мы не только в 1921 г., но и в 1924 г. еще не имели планового «регулятора», как «регулятора» системы.

Мы все знаем конечно, что только сейчас мы могли подойти к реформе кредита. Мог ли быть с самого начала нэпа ликвидирован коммерческий кредит? Конечно нет. Только сейчас полностью снимается противоречие между планированием кредитования и «стихийной» перекачкой кредитов. А это значит, что совсем недавно ценностные отношения еще лежали, как «материнские пятна» старого строя, в самой сердцевине нашего планирования.

Говоря о том, что основное производственное отношение являлось все время нэпа регулятором, т. Гатовский не берет этого основного производственного отношения в его связи и «опосредствовании». Это основное производственное отношение являлось и является во время нэпа внутренним моментом трансформационного процесса всех производственных отношений системы. Это производственное отношение является внутренним моментом в «опосредствовании» производственных отношений пяти укладов.

«При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе однотипным хозяйством» (Сталин). В экономике переходного периода основное производственное отношение действует в «опосредствовании» неоднотипных производственных отношений. И на данном этапе это производственное отношение действует в обстановке, когда вопрос — кто кого? еще не снят. Конечно в данный момент мы гораздо ближе к завершению трансформационного процесса от капитализма в социализм, чем когда бы то ни было раньше.

Мы думаем, что в постановке вопроса т. Гатовского, что «регулятором» за весь период нэпа был план, что «регулятором» может являться только основное производственное отношение, лежит положение, что общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры. Но именно из положения, что общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры, т. Бухарин делает дальнейший вывод: кулаку и кулацким кооперативам все равно некуда будет податься, и кулак будет неизбежно втиснут в определенные границы.

Поэтому я считаю, что, несмотря на богатство мыслей в докладе, все же следует пересмотреть данный тезис доклада, так как из него можно сделать неправильные выводы.

И. А. КАН. Я имею в виду выступить не по существу содержания доклада, а по специальному вопросу: в какой мере докладчик в своем анализе закономерно и плодотворно пользуется терминологией. Если основываться на тезисах и сообщении, то доминирующим понятием и выражавшим его термином был «регулятор». Я поднимаю вопрос о том, в какой мере этот термин применим в нашем

хозяйстве? Чтобы на это ответить, целесообразно будет уделить известное внимание самому генезису этого термина.

Мы знаем, что регулятор — орудие, имеющее отношение к современной технике; это приспособление имеется почти при всех современных типах двигателей. Задумаемся над тем, в чем его основная функция. Вы знаете, что она заключается в том, чтобы «уравновесить» две взаимно-противоположные силы. Какие именно? Это, с одной стороны, мощность двигателя и нагрузка, которую ему приходится преодолевать, — с другой. Если на каком-нибудь предприятии имеется например паровая машина в 100 лш. сил и она приводит в движение 100 станков и если нагрузка каждого равна 1 лш. силе, то вы имеете случай идеального равновесия. 100 сил мощности преодолевают сопротивление такой же величины. Представьте себе, что почему-либо 20 станков выведено из цепи, тогда 100 лш. силам противостоит только 80 сил нагрузки. Что получится? — Разрыв, несоответствие между нагрузкой и мощностью. Совершенно ясно, что если бы не было приспособления, которое уравнивает возникшую разность, машина и приводимые в движение станки получили бы большую скорость, чем та, на которую они рассчитаны, и дело могло бы закончиться разрывом маховика или других частей машины, порчей станков. Для того, чтобы этого не случилось, вы знаете, требуется вмешательство регулятора. Чуть в известных пределах равновесие нарушено, регулятор раньше или позже приходит в движение, откликаясь с большей или меньшей чувствительностью на противоречие; так или иначе он активно и автоматически уравнивает обе нагрузки системой особых приспособлений. Регулятор вмешивается в механизм поступления пара, так что в конечном счете равновесие вновь восстанавливается.

Если вникнуть в это дело и попытаться сделать некоторое обобщение, то придется сказать так: задача регулятора в том и заключается, чтобы привести в определенное соответствие — гармонию отдельные элементы единого целого друг по отношению к другу. Это единое целое в данном случае комплекс, состоящий из двигателя и приводимых им в движение станков. Задача регулятора в том и заключается, что если внутри этой системы возникают на ходу противоречия — противоречия эти устранять. В этом его основная функция. Во всяком случае не дело регулятора направлять целое: его задача — приводить в гармонию расхождение отдельных звеньев единого целого.

Мы знаем, что в условиях капиталистического хозяйства существуют свои социальные регуляторы. Тот регулятор, о котором говорил т. Гатовский и который считается общепризнанным, — это закон стоимости, ценности, или в его измененном виде закон цен производства. Он действительно для капиталистического хозяйства является настоящим регулятором — правда «слепым».

Если бы я стремился провести аналогию дальше, я мог бы сказать, что этот регулятор — закон ценности — действует таким же образом, как и регуляторы в механизмах. Его действие заключается в том, что, когда равновесие уже нарушено, он начинает вмешиваться и реагирует с известным опозданием. Это не значит, что на отдельных участках капиталистического хозяйства плановое начало совершенно отсутствует. Возьмите например предприятие. Оно как самостоятельная производственная единица может быть насквозь насыщено планомерностью: все в нем может протекать на основе глубоких закономерностей и работа в целом может напоминать точно работающий механизм.

И даже большая совокупность предприятий может функционировать на основе строжайшего плана; таковы например все предприятия Форда, где все производственные потоки, охватывающие громадную совокупность предприятий, так скомбинированы, что мы имеем «плановое хозяйство», но только на небольшом участке.

Если же говорить о плановом хозяйстве в его наиболее развернутом виде, то тогда говорить о регулировании не приходится. Если в нашем хозяйстве еще осталось много элементов регулировочного порядка, то по сути дела эта функция уже является подсобной, не характерной, для планового хозяйства не типичной. Если мы планируем недостаточно эффективно, то это приводит к необходимости регулировать на ходу. Но всякое плановое хозяйство отличается тем, что в принципе оно отрицает собой понятие регулятора. (Голос: Равновесие здесь не нужно?). Равновесие совершенно необходимо, но оно достигается не регулированием, а планированием. Быть может для этого более пригодным может оказаться термин — «мотор». Мотор — движущая, ведущая сила всего хозяйства. Регулятор — это приспособление, задача которого привести в гармонию элементы целого друг по отношению к другу, сопоставить, сочленишь, соподчинить одного с другим. Задача планового хозяйства не только в этом; функция регулирования для него подсобная — основное в другом, в заранее предусмотренном ходе всего хозяйства, в его целом, таком, при котором в принципе заранее исключалась бы дисгармония, диспропорция частей.

Машина, точнее механизм, — лучшее техническое выражение плана: в ней реализуется глубочайшая закономерность как в целом, так и связность его отдельных элементов друг по отношению к другу. Если задано например движение ползуна паровой машины, то остальные звенья — кривошип и шатун и все другие части механизма движутся в глубоко «плановом» порядке. Тут «своеволия», нарушения предусмотренных закономерностей уже не может быть; все движения строго предопределены самой конструкцией и соразмерностью частей механизма. Все движется с предначертанной закономерностью, с такой же методичностью, как вращаются отдельные колесики в хронометре, как движутся планеты вокруг солнца. Тут закономерность глубочайшая и опять-таки с этой точки зрения, мне кажется, термин «плановый регулятор» внутренне противоречив и неприемлем.

Я могу навлечь на себя несправедливый упрек в механистичности: но ведь не в этом дело. Какую цель я преследую в своем выступлении: я хотел бы внести большую терминологическую ясность и точность. (Голос: А как вы предлагаете называть?). Я бы скорее склонился к термину «мотор», потому что он является движущей, направляющей силой для всей совокупности элементов. (Голос: Но он — мертвая сила). Почему? Если это паровая машина или турбина, то она ведь является движущей силой по отношению к сложной совокупности орудий.

Но так или иначе «плановый регулятор» — термин, не выдерживающий критики. Одно из двух: или необходимо сказать, что термин регулятор принимается не в том смысле, как это подразумевается в технике, и тогда надо указать в чем отличие и показать, что все же целесообразно им пользоваться, хотя неясно, зачем его применять, если это расходится с привычными техническими ассоциациями.

Мне кажется, внести определенность, ясность в терминологию — это исходная предпосылка для того, чтобы можно было вести работу

обсуждения плодотворно. За нашими словами, терминами должны скрываться совершенно определенные понятия.

Если необходимо термин регулятор сохранить, мы должны строго обосновать, почему мы им пользуемся в условиях планового хозяйства, и установить, в чем его отличие от того понятия, которое является общепризнанным в технике. Или же нужно решительно заменить этот термин другим.

Каждый из нас вносит свое понимание в этот решающий термин — регулятор, у каждого из нас имеется как бы свой собственный измеритель. Надо условиться относительно самого термина, в противном случае дискуссия будет протекать с недостаточно высоким коэффициентом полезного действия.

В. И. РАТНЕР. Речь т. Кана вынудила меня взять слово. Дело не в том, что мы должны уложиться обязательно в точную терминологию, в терминологию, употребляемую в области техники. Плановый мотор или плановый регулятор, т. е. то, на чем сосредоточил свое внимание т. Кан, мало продвигает нас в изучении советского хозяйства. Но именно в вопросе о регуляторе заключается ошибочный путь искания у т. Гатовского.

Его исходное положение заключается в следующем: регулятор хозяйства, закон движения и воспроизводство производственных отношений — это одно и то же. От этого он отправляется и это есть то новое, что он привносит в методологию изучения переходного периода. Эта логическая конструкция т. Гатовского с моей точки зрения страдает определенной погрешностью.

Вопрос — не в термине «регулятор», а в содержании этой категории. Следует ли эту категорию «регулятор» применять при анализе хозяйства переходного периода? В связи с этим в первую очередь нужно выяснить — есть ли регулятор и закон движения одно и то же? Для т. Гатовского — это одно и то же. Я с этим не согласен. Регулятор «показывает», как система воспроизводится, а не как система уничтожается или отрицается, как система. Уже отсюда ясно, что регулятор и закон движения не совпадают. Возьмите Рикардо. Включает ли теория Рикардо в качестве категории регулятор капиталистического хозяйства? Я считаю, что да. Закон стоимости, сформулированный Рикардо, в его понимании есть регулятор капиталистического хозяйства. Для Рикардо это есть закон движения капиталистического хозяйства, ибо для него буржуазная форма производства «не специфически определенный способ производства, а способ производства вообще» (Маркс). Объясняется это механическим мышлением Рикардо, который знал «единство», но не знал «единства противоположностей». Таким образом у Рикардо мы находим полное совпадение регулятора и закона движения системы.

Далее поставим следующий вопрос: почему в работе т. Бухарина по теории советского хозяйства центральное место отводится «регулятору»? Именно потому, что акцент исследовательского (и не только «исследовательского») интереса т. Бухарина был на вопросе равновесия хозяйства. Понимая движение как динамическое равновесие, процесс воспроизводства как процесс постоянного нарушения и восстановления равновесия между обществом и природой, т. Бухарин совершенно логично с точки зрения своей методологии приходит к регулятору, к закону трудовых затрат, как закону движения экономики переходного периода?

Какую службу сослужили поиски регулятора, которыми усиленно занимались экономисты в деле действительного познания закономер-

ностей нашей экономики? «Подпирали» ли они (эти поиски) наше планирование, «освещали ли они путь практике»? Ясно, что нет, ясно, что этот путь лежит в значительной степени в плоскости тех же талмудических исканий, абстракций, как и недавние споры в политэкономии.

С моей точки зрения т. Гатовский очень «скупо» определяет характерные особенности плана переходного периода, его отличие от плана социалистического хозяйства, сводя их к тому, что первый действует в обстановке классово-борьбы. Это разумеется правильно, но разве это достаточный ответ на вопрос о закономерностях советской экономики? Я думаю, что нет. Я думаю, что мало плодотворным с научной точки зрения является вопрос об отыскании регулятора советского хозяйства. Следовало т. Гатовскому главным образом говорить о закономерностях воспроизводственного процесса, накопления, производстве, потреблении и распределении, как различиях внутри единства экономики переходного периода. Вот на чем следует сосредоточить внимание.

Я считаю правильной заключительную часть тезисов доклада т. Гатовского, где он производит классификацию, понятно условную, отдельных наших наук, переходного периода и экономическую политику. Я лично поддерживаю его тезисы, что теория советского хозяйства и теория планирования народного хозяйства — это по сути одни и те же науки. Его борьбу против формулировок т. Сегалы и других в этом вопросе я считаю опять-таки правильной.

М. Н. РАГОЛЬСКИЙ. Мы не можем принять тот тезис, что на всем протяжении переходного периода регулятором, независимо от того, какую стадию проходит социалистическое строительство, является план и на этом ставится точка. Ленин считал основной специфической чертой переходного периода то, что в нашей экономике есть элементы и коммунизма, и капитализма. Переходный период по его словам «соединяет в себе свойства и капитализма и коммунизма», период борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом. Таким образом и элементы коммунизма и элементы капитализма и борьба между ними являются специфически характерной частью экономической структуры переходного периода. Поэтому, Ленин в другом месте говорит о борьбе между социалистической тенденцией пролетариата и товарно-капиталистической тенденцией крестьянства. Этой специфичности переходной экономики нельзя забывать, говоря о регуляторе.

Тов. Гатовский в одном месте правильно подвергает критике самое понятие «регулятор», указывая, что эту категорию необходимо объединить с категорией закона движения, с понятием «воспроизводства» данной системы. На этот тезис следует обратить особое внимание.

Мне представляется, что до сих пор слишком много говорили о регуляторе и слишком мало говорили о законе движения нашей системы. Действительно, когда мы говорим о регуляторе, то больше всего мы говорим о моменте в движении, который по существу никогда не достигается. Таким образом правильнее нужно было бы говорить о законе движения данной экономической системы. Маркс так и делает.

Тов. Ратнер совершенно правильно заметил, что методологическая ошибка т. Бухарина в том, что он везде ищет разрешения вопроса о том, как существует данная система, и не ставит вопроса о том, как изменяется данная система. Эта крупная ошибка сказывается и в теории «организованного капитализма» т. Бухарина.

Итак следует говорить не о регуляторе, а о законе движения нашей системы. Само собой понятно, что закон движения нашей системы складывается на каждом данном этапе как результат борьбы этих двух начал, о которых говорит Ленин. Можно говорить, что план в нашей системе действует, но действует, считаясь с законом стоимости и используя его. Отсюда ясно, что закон стоимости в нашей системе лишь действует в известной мере, будучи урезанным и ограниченным планом пролетарского государства. Конкретные результаты этого движения складываются таким образом, что при правильной политике эти результаты все больше приближаются к тому, к чему стремится пролетариат, к осуществлению планового социалистического хозяйства, где частный труд будет непосредственно и трудом общественным, где включение конкретного труда в систему общественного труда производится планомерно.

Таким образом мы не можем принять тезис о полном господстве планового регулятора, о полном господстве плана; мы должны считаться с тем, что план добивается своего господства в борьбе с враждебными ему тенденциями и этому имеется достаточно доказательств.

Далее я хочу выразить такое пожелание: нам не следует так много говорить о предмете и методе науки, а нужно больше говорить о конкретных закономерностях нашей системы. Конечно, мы должны принять какой-то исходный пункт, мы должны придерживаться метода диалектического материализма и опираться на то, что нам дает теория Маркса и Ленина. Но центр тяжести мы должны направить на конкретный анализ закона движения нашей экономики, исходя из всего своеобразия ее структуры. И тогда вопрос о предмете будет решен попутно. Этим я не хочу сказать, что не нужна методологическая работа. Она нужна, но она выясняется в процессе выявления закономерностей советской системы.

Тут я хотел подчеркнуть момент известного единства в нашей системе. Его нельзя отбрасывать. Это единство существует. Правда это единство есть единство противоположных и противоречивых моментов. Ленин отметил в связи с работой Бухарина «Экономика переходного периода», что необходима известная пропорциональность и для экономики СССР. Он недоволен мыслью Бухарина, что для нас не обязательно никакое равновесие. Ленин говорит: «А три года существования советской власти, вдумайтесь в это». Ленин ставит вопрос так, что известная пропорциональность необходима. Он тут же подчеркивает, что это равновесие всегда бывает относительным. Оно всегда относительно, но если продумать этот тезис Ленина, то несомненно из него вытекает, что какое-то единство, какая-то известная пропорциональность должна существовать. Эта пропорциональность должна складываться все больше в пользу пролетариата и должна быть такой, которая осуществляет рост удельного веса социалистических элементов в нашей экономике.

Если закон движения складывается в результате такого действия плана, при котором ему приходится считаться с известной стихийностью, то все же здесь налицо единство. Единство не сплошное — это единство различных противоположных моментов.

Если взять единство таких отдельных моментов как производство, распределение, обмен и потребление, то в нашей экономике оно несомненно имеется. Возьмите вопрос о решающем значении строя производства. Возьмите такой вопрос как определение социальной природы кооперации, исходя из той роли, которую играет в нашей экономике государственная промышленность последовательно соци-

листического типа; с этой точки зрения в 1923 г. Ленин ставит так вопрос, что кооперация в своем развитии есть уже не форма госкапитализма, а форма, которая сплошь и рядом совпадает с социализмом. Я тут указываю на методологическую сторону этого вопроса — на то, что Ленин исходит из примата производственных отношений.

Возьмите вопрос об отношениях распределения. Ленин подчеркивает в своих замечаниях на книгу Бухарина, что в нашей экономике можно говорить не о зарплате, а о пайке, который получает рабочий. В нашей экономике можно говорить о доле продукта, непосредственно получаемой рабочим. Эта распределительная категория является конечно и категорией производственной. Я хочу указать, что, исходя из последовательно социалистического характера нашей промышленности, мы находим путь и к пониманию такой категории как зарплата в нашей государственной промышленности. При изучении запросов потребления несомненно также придется держаться примата производства. Совершенно очевидно, что если для потребления широких масс при капитализме были характерными хлопок, водка и картофель, то потребление рабочего в наших условиях будет совершенно другим. Поскольку потребление рабочих есть момент производства, постольку это потребление рабочего в условиях капиталистической системы не могло выйти за рамки того, что необходимо для самого капиталистического производства. В наших условиях тут есть другая закономерность и в силу новых условий эта граница отпадает. Или другой вопрос — вопрос о роли обмена. Когда т. Бухарин утверждал, что кооперативный план Ленина предусматривает не колхозы, а кооперацию, тут мы видели методологическое сползание. Тов. Бухарин забывает про примат производства.

Говоря о своеобразных закономерностях нашей экономики, я хотел остановиться на своеобразии условий воспроизводства в нашей советской экономике.

Пример своеобразия нашей экономики — это особое отношение I и II подразделений. Ленин не говорит о равенстве $IV + Im = ПС$, а об их отношении. Это соотношение в нашей экономике в силу своеобразия классовых отношений является совсем другим и оно может и должно быть таким, чтобы удельный вес I подразделения был выше, чем в условиях капитализма.

Действительно в условиях капитализма в I подразделении накопление было равно $I m$ минус потребление буржуазии. На всю сумму своего потребления буржуазия I должна была продавать средства производства II подразделению. Теперь, поскольку потребление буржуазии в громадной своей части выпало, во-первых, больше средств производства может оставаться в I подразделении и, во-вторых, за счет индивидуальной потребляемой буржуазией части II m может быть расширено индивидуальное потребление рабочих или обеспечено потребление дополнительного числа рабочих в тяжелой индустрии. До революции значительная часть прибавочной стоимости потреблялась буржуазией и помещиками таким образом, что она либо экспортировалась за границу и обменивалась на импортируемые предметы потребления и роскоши, либо просто прокучивалась за границей. Вся эта часть народнохозяйственной продукции может быть обращена на цели индустриализации.

Вопрос о соотношении I и II подразделений имеет весьма актуальное значение, ибо, во-первых, рост производительности труда выражается в большем росте I подразделения по сравнению со II, во-вторых, увеличение темпа накопления (например с 10 до 20%) требует такого перераспределения производительных сил, при котором

удельный вес I подразделения увеличивается, и наконец, в-третьих, индустриализация означает огромное увеличение производства средств производства и прежде всего металла, топлива и машин.

Но дело не только в этом. Своеобразие нашей экономики заключается и в особых способах возмещения общественного продукта.

Возьмем нашу государственную промышленность. Здесь единый хозяин — пролетариат.

В наших условиях возможно передвинуть односторонне значительную часть прибавочного продукта легкой индустрии для потребления дополнительных рабочих тяжелой индустрии без того, чтобы тяжелая индустрия направляла такой же по стоимости поток средств производства в легкую индустрию. В этом смысле передвижение между подразделениями I и II возможно без встречных потоков в общественном продукте.

В условиях капитализма нельзя купить, не продавши. В наших условиях дополнительные рабочие тяжелой индустрии могут купить средства потребления без того, чтобы тяжелая индустрия продала бы на эту сумму средств производства легкой. (В известной мере такое одностороннее движение имеется и при капитализме — перенос капитала из II в I через долгосрочный кредит; в нашей системе мы имеем однако не просто количественное, а качественное отличие). Конечно тяжелая индустрия должна давать легкой машины, уголь и т. п. не только для целей простого, но и расширенного воспроизводства. Но сколько давать — это определяется планом. Через систему изъятия значительной части прибылей, займов и налогов наша легкая индустрия отдает тяжелой индустрии (и строительству) гораздо больше средств потребления, чем получает средств производства (по стоимости).

Наконец такой вопрос: каким образом создать обеспечение весьма относительного, но необходимого равновесия в условиях длительного капитального строительства? Маркс дает следующий ответ на этот вопрос. Он говорит, что при коммунизме придется рассчитывать, каков прибавочный продукт и в каком размере можно проводить такое строительство, которое требует известного числа лет. Здесь наше плановое хозяйство дает ряд возможностей маневрирования. Здесь неизбежны в наших условиях трудности, но мы можем их преодолеть. Увеличение производительности и интенсивности труда (соцсоревнование) увеличивает прибавочный продукт и облегчает капитальное строительство. Сокращение госаппарата сокращает часть этого прибавочного продукта от непроизводительного или малопродуктивного потребления. Заем индустриализации позволяет мобилизовать известную массу средств потребления за счет прибавочного продукта крестьянства, буржуазии или за счет известной части фонда зарплаты рабочих и служащих и т. д. Наконец нормирование потребления отдельных продуктов.

Одним словом мы тут вовсе не обречены на пассивное восприятие каких-то предустановленных пропорций, а можем на них активно воздействовать и активно их формировать.

Все это — лишь некоторые иллюстрации своеобразия советского хозяйства, на изучение которого нужно перенести центр тяжести.

А. И. ПОДГОРНЫЙ. Тезис тов. Гатовского о тождественности регулятора хозяйства, господствующего производственного отношения и основного закона движения народного хозяйства, — о чем только вскользь упоминали товарищи, — заслуживает более серьезного внимания потому, что если вы возьмете регулятор капиталистического хозяйства — модифицированную стоимость, т. е. цену про-

изводства, и основное производственное отношение, или иначе говоря отношение класса капиталистов к рабочему классу, выражаемое категорией прибавочной ценности, то мы уже здесь не имеем тождественности.

Дальше необходимо отметить, что исследование только закона равновесия, как это имеет место у некоторых теоретиков, является недиалектической постановкой вопроса. Экспроприация средств производства, уничтожение капиталистических элементов и преобразование мелкого товарного производства, обобществление средств производства, включение их в процесс расширенного воспроизводства и не путем уничтожения, а путем переделки, — этот поток и должен быть предметом изучения закономерностей переходного периода в наших условиях.

Маркс, Энгельс и Ленин говорили обстоятельно не только о капиталистической экономике, не только в общих чертах об основных началах добуржуазной теоретической экономики, но о том, что мы должны осуществлять в переходный период, что представляет из себя коммунистическое общество. Все разграничения между предметами общественных наук, какие сейчас делаются, игнорируют указание о политэкономии в широком смысле слова, теперь подкрепленное авторитетом Ильича. Создание политической экономии в широком смысле слова по-моему является сейчас актуальной задачей. Анализ закономерностей переходной экономики, предмет переходной экономики и будет одним из отделов этой политэкономии, которая будет исследовать закономерности движения мирового человечества на протяжении всей его истории.

Г. А. ЧЕРНЫЙ. Надо прежде всего признать, что в докладе имеется ряд интересных и оригинальных мыслей, в частности дана совершенно правильная критика имевших место установок в теории советского хозяйства. Однако в положительной части доклада не чувствуется достаточной связи между абстрактной постановкой и запросами нашей действительности.

Автор исходит из того, что экономические законы свойственны всем хозяйственным формациям, что экономические законы действуют и в условиях переходного периода, и будут действовать также в условиях социалистического хозяйства, и, поскольку таким образом экономические законы свойственны всем и всяким хозяйственным формациям, постольку разумеется и теоретико-экономическая наука свойственна им.

Но у тов. Гатовского нет достаточной конкретизации экономических законов нашего хозяйства, а между тем весь период существования советской власти дает богатейший конкретный материал в отношении планирования хозяйства для обобщений.

Можно ли однако признать, что систематизация и обобщение опыта строительства позволят выявить закономерности, типичные и для дальнейшего периода. Об этом сейчас трудно сказать до тех пор, пока не проделана необходимая научно-исследовательская работа. Я совершенно согласен, что потребность в основных исходных положениях для построения генплана чрезвычайно велика, но для этого нужно основательно обобщить и систематизировать опыт. И вместе с тем нужно подойти ближе к уяснению проблем самого планирования. План, как категория, различные виды плана — генеральный, перспективный, оперативный и контрольные цифры, различные разрезы его — горизонтальный и вертикальный — вот те основные элементы науки планирования.

О. М. ТАРГУЛЬЯН. Не следует забывать отрицательных сторон дискуссии по проблемам теоретической экономики, чтобы то же самое не повторить при изучении вопросов переходной экономики и теории советского хозяйства. Обогащать теоретические положения конкретным материалом, выводить закономерности путем обобщения этого конкретного материала — такова центральная задача теории советской экономики.

Дефектом сегодняшних прений является недостаточная их конкретность. Тов. Кан здесь много говорил по поводу регулятора советского хозяйства и особо остановился на свойствах мотора, приписывая последнему право на присвоение способностей регулятора советского хозяйства. Однако он не понял сути причин сегодняшней дискуссии. Прежде всего почему мы сейчас ставим вопрос о плане, о регуляторе? Мы бы такой дискуссии не имели и не ставили бы этого вопроса и этой проблемы, если бы уже имели социалистическое коммунистическое общество. Это бесспорно, но этого не понял тов. Кан. Я решительно не согласен с ним, когда он регулятор советского хозяйства уподобляет мотору, совершенно отмахиваясь от классовой борьбы.

Тов. Гатовский совершенно правильно ставит вопрос, указывая на то, что плановый регулятор у нас является единственным регулятором. И более того, этот регулятор на различных этапах нашего развития принимает различные формы. Тов. Слуцкина этого не поняла и неправильно приписала тов. Гатовскому отсутствие этого положения. Она не согласна с положением, что с начала Октябрьской революции регулятором советского хозяйства является план, а между тем тов. Ленин никогда не сомневался, что при наличии командных высот мы имеем все шансы на победу.

Каким же образом нужно понять указание на наличие этих шансов? Ясно — только при наличии плана как характерной особенности диктатуры пролетариата возможно реконструировать производительные силы и производственные отношения. Неужели тов. Слуцкина думает, что массу мелких товаропроизводителей можно переделать без наличия плана, как регулятора.

Тов. Гатовский совершенно правильно ставит вопрос о невозможности двух совершенно различных регуляторов на протяжении восстановительного и реконструктивного периодов и о том, что по мере перехода от одного этапа к другому с изменением соц.-экономических отношений и расстановки классовых сил изменяются и формы планового регулятора, и система его рычагов.

С. Л. РОЗЕНТУЛ. Одной из центральных идей доклада т. Гатовского является положение о том, что закон движения любого хозяйства совершенно идентичен с регулятором этого движения.

Для капиталистического хозяйства таким регулятором является закон стоимости. В наших условиях таким регулятором является план. Вот основная мысль т. Гатовского.

Я считаю эту мысль неправильной и вот по каким соображениям. То, что мы движемся к социализму — это факт. Но движение к социализму определяет только конечную цель, к которой мы движемся, но не определяет того пути и того закона, посредством которого мы движемся к этой цели. Мы можем двигаться к социализму разнообразными путями.

Я хочу этим сказать, что если мы двигаемся в настоящее время к социализму, то это еще не предопределяет, что все движение должно быть плановым.

В самом деле, какие моменты определяют наше движение к социализму? Я считаю, что имеются три таких основных и главных момента, из которых решающее значение имеет последний. Первый — непрерывное расширенное воспроизводство общественного продукта, второй — непрерывное расширенное воспроизводство социалистических отношений при суженном воспроизводстве капиталистических отношений и третий — диктатура пролетариата, которая позволяет воспроизводить эти социалистические соотношения.

Что касается первого момента расширенного воспроизводства производственных отношений, расширенного воспроизводства общественного продукта, то оно происходит и при капиталистическом хозяйстве, несмотря на стихийный характер последнего. При этом развиваются одновременно такие силы, которые противодействуют этому процессу.

В наших условиях в период военного коммунизма мы имели максимум развития социалистических отношений и социалистического регулирования. Но в связи с недостаточным развитием производительных сил, мы вынуждены были временно отказаться от универсального регулирования, укрепившись на некоторых опорных высотах — как монополия внешней торговли, наличие в наших руках крупной промышленности, транспорта и т. д.

Мы предполагали, что стихийные силы в тот момент могут содействовать развитию производства гораздо скорее, чем бюрократическое регулирование. В тот момент план не мог дать того, что дала стихия. Бюрократическое регулирование могло привести к деградации.

Что дала стихия? Мы создали такие условия, при которых каждый отдельный работник был заинтересован в результатах своего труда. На этом этапе нэпа этот момент как раз создал благоприятные условия для расширенного воспроизводства. Но ясное дело, что наряду с этим мелкотоварное хозяйство ежегодно, ежегодно еще рождало капиталистические отношения. Это — факт. Но мы боролись с этими капиталистическими тенденциями не столько в процессе регулирования производства, сколько и в большей степени в процессе распределения, когда мы отрезали тот жирок, который накапливался у кулака и у спекулянта. Этим самым мы ограничивали расширенное воспроизводство капиталистических отношений в городе, одновременно представляя стихии содействовать расширенному воспроизводству общественного продукта. Только потом, когда мы постепенно укрепились, мы могли уже дальше, все более и более расширенно воспроизводить и социалистические отношения и могли пойти в дальнейшее наступление на капиталистические остатки как в городе, так и в деревне. Таким образом мы в начале нэпа шли скорее стихийным путем, а не плановым. Если же считать регулятором на этом этапе то, о чем говорит т. Гатовский, то это будет диктатура пролетариата потому, что именно диктатуру пролетариата, а не план мы противопоставили стихийному движению и развитию капиталистических элементов. Только по мере того, как мы крепили и научились лучше планировать, план приобрел такое значение, что он стал фактическим регулятором или движущей силой нашего народного хозяйства. Я считаю, что и в этой части т. Гатовский неправ. В остальном доклад т. Гатовского содержит ряд интересных идей и мыслей, с которыми нельзя не согласиться.

Еще несколько слов о соотношении между планированием и регулированием. Планировать — это значит наметить правильную расстановку производственных сил и конфигурацию общественных отношений в их динамическом развитии, в пространстве и во времени на дан-

ный о п р е д е л е н н ы й п е р и о д. Регулировать — это значит изменять пропорции в распределении производственных сил и общественных отношений на ходу.

Если будем рассматривать процесс планирования (план в действии) за ряд лет, например за весь период движения к социализму, и учтем то, что в течение этого периода ежемесячные, квартальные и годовые планы непрерывно изменяли скорость и направление этого движения, то положение — «план является регулятором нашего движения на новом этапе нэпа» можно считать вполне правильным. На первом этапе нэпа таким регулятором является еще не столько план, сколько оперативное воздействие партии и правительства на те стихийные центробежные силы товарного хозяйства, которые стремились повернуть наше развитие от социалистического пути, замедлить скорость этого движения. При этом одновременно этот регулятор давал возможность свободно развиваться стихийным восстановительным силам.

Качественное отличие нового этапа нэпа заключается в том, что роль плана стала доминирующей, в то время как стихийные силы мелкого товарного хозяйства не могут уже дать развертыванию продукции то ускорение, которого мы достигли в управляемом планом обобществленном секторе нашего народного хозяйства. Все это обусловило необходимость в полной замене действия стихийных сил рынка планирующим воздействием государства (обобществление производства в деревне).

А. В. ВАЙСБРОД. Идея «единого регулятора хозяйства СССР» и сведение этого регулятора к плану представляются методологически неправильными, поскольку тем самым: а) затушевывается диалектический характер хозяйственного развития СССР в условиях непрерывного развертывания противоречий; б) игнорируется своеобразие различных этапов переходного периода и совершенно различные роль и значение планового начала на этих этапах; в) конечная цель движения — построение плано-социалистического хозяйства — неправильно отождествляется с движущей силой; г) недоучитывается конкретный историко-экономический материал.

Признание плана в качестве единственного регулятора (закона движения) экономики СССР требует в качестве основной предпосылки наличия общехозяйственных планов на всем протяжении переходного периода. На самом деле такие планы до последних лет отсутствуют за исключением плана ГОЭЛРО, не имевшего, несмотря на его огромное историческое и методологическое значение, характера конкретной оперативной директивы, определившей развитие советского хозяйства на ближайшие после его составления годы. Лишь с появлением в 1925 г. и укреплением в последующие годы системы контрольных цифр с приданием им оперативно-директивной роли можно говорить об общехозяйственном плане, развернутом в дальнейшем в пятилетку.

Период военного коммунизма лишен был необходимых для развертывания плановой работы материальных предпосылок, в частности твердой учетной единицы и элементарного хозяйственного учета. Равным образом отсутствовали необходимые организационные предпосылки и навыки и хотя бы минимальные кадры плановых работников. Хозяйство эпохи военного коммунизма строилось фактически не на основе планов, а в порядке текущего маневрирования наличными запасами, их распределения и использования. Столь много дискутировавшаяся как раз накануне нэпа идея «единого хозяйственного пла-

на» являлась для того времени утопической, что справедливо было тогда же отмечено Лениным (собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 81—89).

Период нэпа характеризуется отказом в первые годы от планирования не только народного хозяйства в целом, не только отдельных его отраслей, но и работы единичных предприятий и трестов. Принцип хозрасчета, возникшего первоначально в форме коммерческого расчета (задача извлечения прибыли), явился по существу на первых порах отрицанием планового начала. Хозрасчет по мере развертывания нэпа и последующего изживания нэпа не отмирал подобно ряду других категорий и орудий нэпа, а напротив расширялся и углублялся в сфере своего применения, испытывая лишь известные модификации. Хозрасчет в условиях нэпа и восстановительного периода явился подлинным регулятором советского хозяйства, как совокупности хозяйственных единиц, находившихся во взаимодействии на основе рыночных отношений. Хозрасчет как движущая сила в развертывании советского хозяйства сохраняет полную свою значимость и в реконструктивный период на новом этапе, в условиях отмирания рыночных отношений. Все это приводит к необходимости при построении теории советского хозяйства самого пристального изучения модификации, трансформации и организационно-экономических форм осуществления хозрасчета.

В первые годы нэпа хозрасчет внутри обобществленного сектора, хозрасчет каждого отдельного предприятия, а затем треста, боровшегося на рынке с другими предприятиями и трестами (с применением частую методов жесточайшей конкуренции и пр.), явился по существу своеобразной формой использования рыночной «стихии» для воссоздания основных хозяйственных предпосылок, для восстановления промышленности и отбора наиболее приспособленных, наиболее жизнеспособных хозяйственных единиц. В этих условиях хозрасчет осуществлялся ценой отказа от общехозяйственного плана и в противоречии с задачами и методами этого последнего.

Кризис 1923 г. явился не случайным, временным вторжением «стихии», быстро затем побежденной. Кризис 1923 г. явился совершенно закономерным и необходимым результатом безудержного господства хозрасчета отдельных предприятий и трестов в условиях советского хозяйства. Кризис 1923 г. явился проявлением первого действительного столкновения на экономической арене хозрасчета единичного предприятия с плановыми элементами и задачами народного хозяйства в целом. Кризис 1923 г. привел к росту плано-регулирующих элементов в советском хозяйстве (в том числе и к укреплению синдикатов — проводников планового начала рыночными методами). Одновременно рассасывание кризиса осуществлялось в значительной мере на основе рыночных методов.

В дальнейшем план и хозрасчет являются основными движущими силами развития советского хозяйства. Движение это осуществляется в условиях развертывающихся диалектических противоречий между планом и хозрасчетом на основе постепенного взаимопроникновения этих двух противоположностей. Плановое начало, противостоявшее в начале нэпа хозрасчету отдельного предприятия, начинает все больше и больше проникать и внедряться в работу отдельного предприятия (треста), становясь необходимой предпосылкой осуществления хозрасчета в условиях советского хозяйства. Хозрасчет, явившийся в начале нэпа отрицанием планового начала, выходит постепенно — через систему трестификации, затем через синдикаты, через промфинпланы — за пределы отдельного предприятия и становится в дальнейшем

через посредство кредитной системы, через систему контрольных цифр как народнохозяйственного баланса, основой для построения общехозяйственных планов. Теория советского хозяйства должна уделить самое пристальное внимание плану и хозрасчету как движущим силам в условиях переходного периода, их развертыванию, первоначально на основе взаимного отрицания и противоречий, в дальнейшем на основе взаимопроникновения как двух противоположных начал в советском хозяйстве, с последующим синтезом (пока еще далеко не полностью осуществленным) на более высокой ступени хозяйственного развития.

Идея «единого хозяйственного плана», лежавшая в основе системы военного коммунизма, не находила в последней необходимых материальных и организационных предпосылок для своего осуществления. Нэп с хозрасчетом, с арсеналом капиталистических форм хозяйствования, с господством рыночных методов, с временным отказом от планового регулирования хозяйства создал необходимые материальные и организационные предпосылки для внедрения и последующего торжества планового начала. Внедрение планового начала в значительной мере проходит первоначально на основе рыночных форм (синдицирования, гендоговора и пр.). Перерастая в контрактацию, перерастая в предварительные заказы, охватывая постепенно весь процесс сбыта промышленной продукции и заготовки с.-х. продуктов, генеральные договоры готовят почву для изживания рыночных отношений как внутри обобществленного сектора, так и во взаимоотношениях последнего с необобществленным. Так рыночными методами нэпа подготовлялось отмирание рыночно-сбытовых функций синдикатов и превращение последних в производственные объединения, а равно и создавалась почва и организационно-экономические предпосылки для развертывания коллективизации в сельском хозяйстве.

Реорганизация промышленности, реформа кредита, осуществляемая реконструкция финансовой системы, решительная перестройка хозяйственных наркоматов (на основе объединения регулирующих и оперативных хозрасчетных функций, разделенных в начале нэпа) на ряду с переходом от рыночных форм, связи к нормированному снабжению и распределению при одновременном мощном росте коллективизации сельского хозяйства — все это и целый ряд других моментов свидетельствуют о том, что капиталистически-рыночные формы организации советского хозяйства и методов его управления, сыгравшие положительную стимулирующую роль в начале нэпа, превратились в настоящее время в тормоз дальнейшего хозяйственного роста. Вместе с тем трансформация и ломка этих форм, происходящая зачастую в условиях ожесточенного сопротивления аппарата, фетишизирующего капиталистические формы и зараженного своеобразной «хозяйственной устряловщиной», сигнализируют рост планового начала и постепенное изживание нэпа, осуществленное в значительной степени рыночными методами нэпа. Реконструкция хозяйственных форм и методов хозяйственной работы и управления должна быть предметом специального изучения теории советской экономики в качестве одной из составных ее частей. Огромное практическое значение такого изучения для прогноза и разработки плана организационно-хозяйственной реконструкции в соответствии с реконструируемой производственно-технической базой едва ли может быть переоценено.

Нэп явился отрицанием системы военного коммунизма. Развертывание нэпа на базе рыночных методов привело в условиях советского хозяйства к такой концентрации производства, снабжения и распре-

ления, которое по существу делает излишним и вредным для дальнейшего развития преобладание рыночных методов. Количественные изменения перешли в качественные: рыночные отношения еще на ряде участков сохраняются (как сохранялись они впрочем вопреки господствующему мнению и во время военного коммунизма), но не они являются в настоящее время определяющими в экономике СССР. Поэтому не о новом этапе нэпа приходится сейчас говорить, а о новом этапе переходного периода, в котором мы сейчас находимся. Новый этап представляет собой диалектический синтез военного коммунизма и нэпа, синтетический характер носит и структура хозяйственных форм и методов хозяйственного управления. Поэтому не возвратом к «военному коммунизму» является происходящее изживание нэпа, а переходом на более высокую ступень экономического развития на основе синтетического объединения и взаимопроникновения двух предшествующих взаимно антагонистических этапов советского хозяйства. Нэп, пришедший как отрицание системы военного коммунизма, подготовил почву методами рыночного воздействия и хозрасчета для своего изживания, для синтетического объединения плана с хозрасчетом, системы «военного коммунизма» с нэпом, для создания материальных и организационных предпосылок к решению тех задач плана реконструкции (план ГОЭЛРО) и единого хозяйственного плана, которые ставил перед собой этап «военного коммунизма» и которых он не мог решить на тогдашней ступени хозяйственного развития.

Только на базе такого диалектического подхода к истории советского хозяйства (включая и изучение трансформации хозяйственной надстройки — организационно-структурных форм и методов хозяйственного управления — на основе конкретного материала) может быть построена теория экономики переходного периода.

И. Г. КОНОВАЛОВ. Я хотел бы возразить против той критики, которая здесь раздавалась по вопросу о регуляторе для советского хозяйства. Целый ряд товарищей подвергает сомнению закономерность постановки этого вопроса, исходя из той трактовки регулятора, которую дал тов. Кан. Если считать, что регулятор только поддерживает равновесие, т. е. является лишь частным моментом движения, тогда нужно сказать, что постановка вопроса о регуляторе для сельского хозяйства является незаконной. Нельзя однако так механически приравнивать действие регулятора в технике с действием его в условиях общественной жизни. Если возьмете капиталистическое хозяйство, то там регулятор действует не только тогда, когда требуется насильственно восстановить нарушенное равновесие, но и тогда, когда накапливаются эти элементы нарушения равновесия.

В самом деле, нельзя же утверждать, что закон стоимости вступает в действие лишь в период кризиса, т. е. насильственного восстановления нарушенного равновесия, а до наступления кризиса действуют какие-то иные регуляторы. Стихийный характер регулятора как раз в том и заключается, что он действует посредством самоотрицания. Правильно конечно, что равновесие есть лишь частный случай движения, но нельзя же на этом основании утверждать, что при всякой попытке анализа регулятор данной системы направляется на поиск равновесия, и этим забывается более важное движение. Регулятор товарнокапиталистической системы является составным элементом более общего закона развития и упадка данной системы, но именно поэтому он не отделим от закона движения. Попытка же некоторых

тт. разорвать закон движения и регулятор, противопоставить их друг другу, говорят о том, что они диалектическое единство противоречия подменяют механистическим отделением одного от другого.

Возможно конечно, что термин — «регулятор» — неудачен, но ведь спор идет не о терминах, а об основных законах, определяющих распределение средств производства и потребления между различными классами в условиях СССР, а следовательно определяющих процесс воспроизводства производственных отношений.

В отличие от товарнокапиталистической экономики, регулятор которой действует через головы людей как слепой закон природы, в условиях перехода от капитализма к социализму этот регулятор и является конкретным проявлением закона движения к социализму, следовательно его также нельзя противопоставлять последнему. Поэтому в этом вопросе я считаю позицию тов. Гатовского, не отрывающего регулятор от закона движения, правильной, хотя он допускает ошибку, отождествляя их. Но нельзя однако ограничиваться общим утверждением, что имманентно присущим переходной экономике регулятором является план. Надо показать также, как этот регулятор рождается и укрепляется в борьбе со стихией, в каких формах он воплощается на разных этапах переходной экономики, в какой степени он регулирует и т. д. Как раз этого и не сделал тов. Гатовский, не конкретизировал этого тезиса о том, что регулятором является план применительно к разным этапам (хотя в своем докладе ряд проблем поставил по-новому). Не случайно поэтому, что на основе концепции тов. Гатовского нельзя объяснить кризис сбыта 1923 г. Ведь приходят к такому нелепому выводу, что он возник в результате действия планового регулятора тогда, когда всем нам известно, что именно 1923 г. во всю ширь поставил вопрос о том, как дальше вести производство: на основе ли обычных и нормальных рыночных способов или же на каких-то иных основаниях?

Когда тов. Гатовский прокламирует господство планового регулятора на всех этапах переходного периода, то у него получается удивительное исключение для 1923 г. И понятно почему. Если бы он не допустил этого исключения, то противоречие было бы кричащим. Поэтому он и допускает это исключение. Но надо же связать это исключение с общей концепцией.

Правильно тов. Гатовский критикует тех товарищей, которые утверждают, что план рождается из закона стоимости. Но вместе с тем он впадает в другую крайность, утверждая, что план господствует на протяжении всего переходного периода. Все дело в том, что реальная жизнь сложнее серой теории, и если бы он внимательно изучал первый этап нэпа, то он понял бы, что для того периода нельзя говорить о господстве плана. Поэтому нельзя ограничиваться голой формулой о господстве плана, а необходимо на конкретном материале проследить, при каких условиях и на каком этапе нашего развития план становится регулятором народного хозяйства.

С. Г. СТРУМИЛИН. Само собой разумеется, что в интересном докладе т. Гатовского не могло не быть целого ряда дискуссионных моментов. Трудно себе представить, чтобы кто-то вышел с теоретическим докладом в наименее разработанной области в наше время и у него сразу можно было бы целиком все принять без спора. Особенно diskutabelным представляется мне в этом докладе отождествление регулятора с законом движения и производственным отношением. Закон ценности был регулятором не только в капиталистическом, но и докапиталистическом простом товарном обществе. А закон

движения того и другого общества разве был одинаковым, а производственные отношения были одинаковы в простом товарном обществе?

Мы видим, что тут вывести из закона стоимости условия производства нельзя. Они выводятся не просто из закона ценности, а из чего-то другого. Например предпосылкой капитализма была экспроприация средств производства, которая произошла на границе одного и другого периода, появление пролетариата, первоначальное накопление и целый ряд других моментов, которые определяют собой дополнительные условия при которых закон ценности, оставаясь регулятором на рынке, является базисом эксплуатации и превращает в полную противоположность то равенство производителей на рынке, которое лежало в его основе.

Или возьмем такую вещь. Один из товарищей отметил уже, что для Рикардо или для Адама Смита — буржуазных экономистов — закон ценности как регулятор может быть и сливался с понятием закона движения, а для Маркса он вовсе не сливался. Установив закон ценности, который показывает, как осуществляется тенденция к равновесию капиталистической системы, он дал и закон движения к социализму, т. е. показал, как изменяется и исчезает эта система. Этот закон движения можно и должно опирать и на закон ценности, но опять-таки не на один этот закон. Таким образом, поскольку закон ценности отвечает на вопрос, как существует, как поддерживается система, а закон движения говорит о том, как она меняется, совершенно ясно, что нельзя отождествлять.

Второй дискуссионный момент — относительно регулятора нашего планового хозяйства. Следует ли «план» подводить термином «регулятор» под общую категорию с регуляторами досоциалистического, дореволюционного общества. Я — не по тем соображениям, по которым здесь развил это тов. Кан, — думаю, что не следовало бы их называть одинаковыми терминами. Это может быть терминологический вопрос, но он мне кажется вполне законным. Регулятор капиталистического или простого товарного общества действует автоматически, стихийно тогда, когда план есть полная противоположность такому стихийному «регулированию».

Вообще если считать основной движущей силой в нашем хозяйстве план, то чему надо его противопоставить? Можно ли его противопоставить закону ценности? Мне кажется — нет. План скорее надо противопоставить стихии, т. е. тому полю, на котором закон ценности себя проявляет, но не самому закону ценности.

Большое сомнение также вызывает тезис о том, что в переходном периоде регулятором следует считать только план, отвергая в этом отношении значение рыночной стихии. Понимаю его мысль. Он говорит — надо брать основное. Но так как основная сила в нашем обществе характеризуется планом, то нужно его принять за этот единственно регулирующий принцип, а все остальные достаточно оценивать в те моменты, когда они проявляют свое господство, когда они перевешивают план, как например в кризис 1923 г. Я должен сказать, что построение т. Гатовского с внешней стороны очень стройно. Оно хорошо продумано, логично построено. Но, несмотря на эту внешнюю стройность, тут есть целый ряд сомнительных моментов. Правильно ли что это будет эклектикой, если наряду с планом мы будем признавать, что действующей силой, определяющей наше хозяйство в переходный период, также как и план, в разные моменты является стихия. Едва ли?

Нэп определялся двумя словами: «рынок плюс план». Когда мы шли на нэп и восстанавливали рынок, мы ограничивали его планом. Но оба эти начала, т. е. стихия в виде рынка и план, признавались действующими рядом. Как они действовали? Они действовали в большинстве случаев в порядке борьбы. Но эта борьба — жизненный факт, а не эклектическая теория. В этой борьбе двух начал есть диалектическое единство противоположностей. При чем же здесь эклектика?

Дальше еще один спорный момент. На разных этапах у нас и рынок и стихия пользовались очень разным весом — это здесь уже указывали. Можно отметить целый ряд моментов, когда хозяйственный план был в минимуме. Если взять например период до 1926 г., тогда план был в минимуме, а стихия была в весьма достаточном количестве. Мы боролись с ней, но не в порядке плана, а в порядке хозяйственного регулирования отдельных наркоматов и т. д. Мы обуздали эту стихию, но однако она нас все же била.

Плановое хозяйство растет диалектически, и трудно указать момент, когда именно начинается плановое хозяйство. Можно условно принять это начало например с первой пятилетки. Но такое определение конечно всегда будет искусственно.

В какой момент переходит количество в качество и мы переходим от непланового хозяйства к плановому хозяйству, этого нельзя определить какой-то точной датой, скажем Октябрьской революцией, или моментом диктатуры пролетариата, или завоеванием командных высот. Эти моменты не совпадают. В октябре у нас была социалистическая революция, экспроприация средств производства произошла уже в 1918 г. А гражданская война например, она надолго затормозила осуществление наших плановых возможностей, которые у нас были теоретически налицо. Это дело гораздо сложнее, чем оно формулировано в докладе т. Гатовского.

Можем ли мы использовать закон стоимости в наших целях?

Возьмем наши контрольные цифры в 1925 г. Мы уже тогда констатировали наши победы в области обобществления торговли. Потом мы немного надавили в плановом порядке на торговца. Но до этого момента мы вовсе на него не давили какими-нибудь специальными мерами внеэкономического воздействия. Закон ценности как будто бы проявлял себя в этой сфере довольно свободно. Что же получилось? Благодаря тому, что у нас были командные высоты, что государственная и кооперативная торговля обладали гораздо большими средствами, были более крупной единицей, были менее обложены налогами, мы имели совершенно естественное на основе законов рынка вытеснение частного торговца с рынка. Тут этот закон стоимости был обращен против нашего классового врага и отнюдь не отказал нам в действии. И в дальнейшем политика являлась не рычагом нашего планового воздействия на частный сектор. Может ли это отрицать т. Гатовский?

Таковы мои критические замечания по докладу т. Гатовского.